

О. А. Карабанова, Н. Н. Поскребышева

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОЙ АВТОНОМИИ ПОДРОСТКОВ В ОТНОШЕНИЯХ С РОДИТЕЛЯМИ И СВЕРСТНИКАМИ

В статье рассматриваются детско-родительские отношения (ДРО) и отношения со сверстниками как составляющие социальной ситуации развития подростка. Подчеркивается их роль и значение в становлении личностной автономии подростка. В исследовании показана гетерохронность развития когнитивного, поведенческого, эмоционального и ценностного компонентов личностной автономии подростка. Выявлен сложный нелинейный характер связи между уровнем развития личностной автономии подростка и такими параметрами ДРО, как уровень родительского контроля, мера предоставляемой подростку в рамках ДРО автономности, характер сотрудничества в отношениях с родителями.

Ключевые слова: личностная автономия, самостоятельность, социальная ситуация развития, детско-родительские отношения, отношения со сверстниками, гетерохронность развития, подростковый возраст.

The role and functions of the child-parent relations and communication with peers in adolescence are considered as characteristics of the social situation of development. The developmental processes of the value, emotional, cognitive and behavioral components of autonomy in their heterochrony are discussed. The results of the research demonstrated complicated non-linear relationship between the level of personality autonomy and child-parent relation's parameters (the level of parent's control, the adolescent's independence and self-management competence, communication and cooperation with parents).

Key words: personality autonomy, independence, social situation of development, child-parent relations, adolescent-peer relations, developmental heterochrony, adolescence.

Достижение *личностной автономии* (ЛА) как способности к самостоятельной постановке жизненных целей, осуществлению личностного, свободного выбора, обретению уверенности в себе — ключевая задача развития в подростковом возрасте.

Неоднозначность понятия автономии в психологии развития находит отражение в существовании различных концепций, описывающих

Карабанова Ольга Александровна — докт. психол. наук, профессор кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* okarabanova@mail.ru

Поскребышева Наталия Николаевна — канд. психол. наук, психолог 2-й категории кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* pskr@inbox.ru

феноменологию ЛА и закономерности ее формирования в подростковом возрасте. Авторы одних теорий (в первую очередь, психоаналитического направления) признают источником ЛА подростка отношения с родителями, в которых реализуются функции принятия, признания, защиты, эмоциональной поддержки, уважения (Дж. Боулби, Э. Бронфенбреннер, Д. Винникотт, А. Фрейд, М. Клейн, Х. Когут, П. Криттенден, М. Эйнсворт, Э. Эриксон и др.); авторы других концепций фокусируют внимание на внутренних источниках становления автономии подростка (А. Бандура, Е. Деси и Р. Райан).

В 1990-е гг. указанное противопоставление теоретических подходов стало преодолеваться. В зарубежных исследованиях было показано, что автономия и саморегуляция формируются на основе длительных, претерпевающих значительные изменения отношений (Collins, Laursen, 2004; Zimmer-Gembeck, Collins, 2003). Г. Гротевант и К. Купер (см.: Zimmer-Gembeck, Collins, 2003) связывают развитие ЛА с двумя процессами: с одной стороны, самоутверждением (обретением уверенности в собственной позиции и ответственности за нее), с другой — сепарацией и противопоставлением себя Другому, т.е. способностью отделить себя от Другого и обозначить различия в поведении, позициях, убеждениях. Потенциал ДРО раскрывает благоприятные возможности для баланса индивидуации и со-действия и со-общества подростка с родителями как основу развития его ЛА. Подростки, включенные в теплые эмоциональные отношения заботы и поддержки, склонны к принятию независимых решений и самовыражению, проявляют большую психологическую зрелость, школьную компетентность, субъективно ощущают большее благополучие и уверенность в себе, менее склонны к депрессии и девиантному поведению (Steinberg, 1990). И подросток, и родители участвуют в преобразовании отношений из однонаправленных во взаимонаправленные и основанные на сотрудничестве. Не разрыв отношений, а изменение «образа Родителя» с разделением его на идеальный и реальный приводит к развитию ЛА без отвержения родителя или снижения его авторитета.

Современные зарубежные исследования указывают на связь автономии подростка (с увеличением дистанции между ним и родителями (McElhane et al., 2009), с эмоциональным отдалением от родителей и изменением образа родителя (Steinberg, Silverberg, 1986), с трансформацией самих отношений в сторону большего равенства (Collins, Laursen, 2004), с обретением индивидуальности в рамках отношений с родителями (Youniss, Smollar, 1987), с социальной адаптацией (Beyers, Goossens, 2003; Garber, Little, 2001), с уровнем морально-нравственной зрелости подростка (Climo, 1992).

Реализация возрастно-психологического подхода и учения о структуре и динамике психологического возраста (Выготский, 2003; Эльконин, 1989) открывает новые перспективы в исследовании гене-

зиса ЛА в подростковом возрасте, позволяя выявить роль и значение составляющих социальной ситуации развития (ДРО и отношений со сверстниками) в становлении ЛА и ее компонентов. В отечественной традиции формирование автономии связывают с выделением «Я», «вторым рождением» личности, личностной зрелостью, самоуправлением, возникновением «чувства взрослости» (Божович, 1992; Выготский, 2003; Леонтьев, 1975; Эльконин, 1989). Попытки операционализации были предприняты в отношении «чувства взрослости» (Возрастные..., 1967), а также самого понятия автономии (Бурменская, 2005; Леонтьев, 2002; Прихожан, 1997).

Проводились исследования, направленные на выяснение причин психологической зависимости подростков от родителей (Макушина, 2002). Показана обусловленность формирования автономии типом привязанности в младшем школьном возрасте (Пупырева, 2007). Некоторое представление о становлении автономии подростка дает нам рассмотрение возрастных кризисов (Поливанова, 2000).

Следует отметить, что в преобладающем большинстве теоретических подходов и эмпирических исследований признается неоднородность самого конструкта автономии, но, несмотря на значительные различия в позициях, отечественные и зарубежные исследователи рассматривают автономию как структуру, включающую поведенческий, когнитивный, аффективный, ценностный компоненты.

Целью нашего исследования стало изучение становления ЛА подростка с учетом особенностей социальной ситуации развития в единстве ДРО и отношений со сверстниками.

Задачи: 1) Разработка и апробация диагностического инструментария для исследования автономии подростка; 2) изучение автономии в составе эмоционального, когнитивного, поведенческого, ценностного компонентов в подростковом возрасте; 3) Выявление особенностей ДРО и отношений со сверстниками как характеристик социальной ситуации развития; 4) Изучение связи различных контекстов социальной ситуации развития подростков (ДРО и отношений со сверстниками) с развитием ЛА.

Методики

В исследовании использовались следующие методики:

— авторский «Опросник автономии» — для выявления общего уровня автономии подростков, а также уровней развития ее компонентов;

— опросник «Шкала эмоциональной автономии» (*EAS*— Steinberg, Silverberg, 1986) — для определения уровня эмоционального компонента ЛА;

— опросники «Взаимодействие родитель—ребенок» (Марковская, 1999) и *ADOR* («Подростки о родителях»), русскоязычная модификация (Вассерман и др., 1995) — для исследования ДРО;

— модифицированная методика «Коммуникативные и организаторские способности» (КОС-1) (авторы — В.В. Синявский и Б.А. Федоришин; подробнее см.: Батаршев, 2006) — для изучения отношений со сверстниками.

Разработанный «Опросник автономии» позволяет определить как общий уровень ЛА, так и уровни ее компонентов — эмоционального, поведенческого, когнитивного и ценностного. *Эмоциональная* автономия проявляется в том, насколько свободно подросток выражает свои эмоции и чувства; какова зависимость его эмоционального состояния от чувств другого человека; заражается ли он эмоциями другого, когда сочувствует ему. *Когнитивная* автономия связана с представлениями подростка о самостоятельности в области умственных и познавательных действий. *Поведенческая* автономия подразумевает определенный уровень независимости в реализации конкретных действий. *Ценностная* автономия связана с самостоятельностью в сфере принципиальных убеждений, мотиваций, ценностей.

Авторская методика «Опросник автономии» позволяет выявить субъективные представления о собственной автономии подростков. Данная методика направлена на выявление общего показателя ЛА подростков, уровней развития эмоционального, поведенческого, когнитивного, ценностного компонентов автономии подростков. Методика содержит 12 утверждений (по три утверждения на каждый из четырех указанных компонентов автономии), которые подростку необходимо оценить по 5-балльной шкале. Утверждения были сформулированы исходя из представлений о содержании конструктов эмоциональной (например, «Я могу определить, что чувствую, и найти подходящие слова для того, чтобы описать свои эмоции и чувства»), поведенческой («Я сам(а) могу выполнить даже сложные действия»), когнитивной («Я сам(а) решаю сложные задачи, требующие продуманного решения»), ценностной автономии («Я всегда стремлюсь высказать свое мнение, даже если оно отлично от мнения других»). Суммарный балл по высказываниям и шкалам методики отражает общий уровень автономии подростка.

Содержательная валидизация с помощью экспертной оценки показала хорошие результаты. Эксперты подтвердили, что методика «Опросник автономии» действительно может дифференцировать подростков по уровню развития как автономии в целом, так и отдельных ее компонентов. В ходе валидизации «Опросника автономии» была получена высокая степень надежности-согласованности. Коэффициент Кронбаха равен 0.67, что является относительно высоким показателем для методик такого рода (Поскребышева, 2010).

Выборка. В исследовании приняли участие 455 подростков 14—16 лет (40% мальчиков, 60% девочек), учащиеся 9—10-х классов г. Москвы.

Результаты

Основные результаты исследования состоят в выявлении связи развития автономии и ее компонентов (эмоционального, когнитивного, поведенческого, ценностного) с особенностями ДРО и отношений со сверстниками как характеристик контекстов социальной ситуации развития подростков (Карабанова, 2002).

Полученные результаты обнаруживают гетерохронный характер развития ЛА. Наиболее низкие показатели получены относительно эмоционального компонента, низкие — поведенческого, высокие показатели — когнитивного компонента, наиболее выражен ценностный компонент (значимые различия между показателями всех четырех компонентов автономии по критерию Манна—Уитни на уровне $p < 0.01$).

Ценностная и когнитивная автономия опережают в своем развитии другие компоненты автономии и формируются раньше поведенческого и тем более эмоционального компонента. Высокий уровень развития ценностного компонента отражает направленность обследованной выборки подростков на решение проблемы ценностного самоопределения, составляющей актуальную задачу развития на данной возрастной стадии.

ЛА подростка развивается в функциональном единстве эмоционального, поведенческого, когнитивного, ценностного компонентов, составляющих два блока: ценностно-аффективный и операционно-технический. Опережающее развитие когнитивной автономии, обусловленное переходом к учебной деятельности с элементами самообразования, составляет основу формирования поведенческой и ценностной автономии. Ценностная автономия, являясь центром устремлений подростка и формирования мотивационно-смысловой системы личности, создает условия для достижения эмоциональной автономии на основе принятия самооценности и самодостаточности. Блоки поведенческо-когнитивной и эмоционально-ценностной автономии связаны посредством когнитивного и ценностного компонентов: наличие убеждений является залогом для формирования критического мышления. Сама способность критически осмысливать реальность и планировать перспективы своей деятельности должна быть согласована с индивидуальными ценностями подростка.

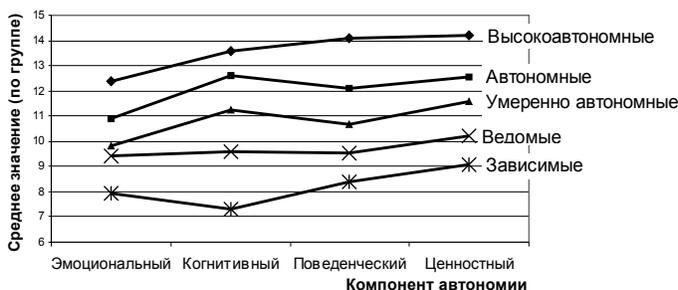
Отношения с родителями. Результаты исследования по методикам «Взаимодействие родитель—ребенок» и *ADOR* («Подростки о родителях») позволили выделить отличительные черты ДРО современного подростка. Подростки в целом положительно описывают свои отношения с родителями. Вопреки представлениям об отчужденности современных подростков от семейных отношений и обесценивании семьи участники нашего исследования достаточно позитивно оценивали доброжелательность и заинтересованность со стороны родителей. Указывали, что родители чувствуют живой интерес к ним, уделяют им достаточно времени, интересуются их делами, увлечениями и пр. До-

статочно позитивно они оценивали и степень эмоциональной близости с родителями (особенно с матерью), обнаруживали готовность делиться с ними самым сокровенным и важным; отзывались о родителях как о «теплых» и сопереживающих; указывали на принятие родителями их личностных качеств и поведения; подчеркивали, что рассчитывают на поддержку и принятие родителей.

Интересными представляются данные об отсутствии у подростков ощущения гнета родительских требований. Средние показатели по выборке свидетельствуют о субъективной удовлетворенности подростков уровнем контроля и требовательности со стороны родителей.

Отношения со сверстниками. Результаты по модифицированной методике «КОС-1» свидетельствуют о том, что в целом подростки позитивно оценивают свое умение дружить и указывают на большую эмоциональную поддержку и взаимопомощь в дружеских отношениях. Однако по оценкам подростков роль дружбы в самопознании не велика. Более того, подростки не отмечали предпочтения совместной деятельности с друзьями по сравнению с деятельностью индивидуальной. Это свидетельствует о том, что взаимодействие со сверстниками не осознается ими как деятельность, обеспечивающая самопознание. Дружба оценивается как эмоциональная поддержка, связанная с помощью друг другу скорее в сложных, критических ситуациях, нежели в повседневной деятельности.

Особенности подростков с разным уровнем развития ЛА. Полученные в ходе исследования личностной автономии подростков (методика «Опросник автономии») результаты свидетельствуют о том, что большинство подростков достаточно высоко оценивают уровень своей самостоятельности: чувствуют себя вполне самостоятельными, могут обозначать и выражать свои чувства, в основном не поддаваясь эмоциональному заражению, обнаруживают достаточную уверенность в выполнении практических задач без помощи других, планируют свою деятельность и реализуют планы в соответствии с собственными убеждениями, мнениями, ценностями.

Различия в уровне развития компонентов личностной автономии в 5 группах подростков

Однако показатели подростков по разным компонентам автономии различались (рисунок). Кластерный анализ позволил выделить 5 групп подростков, условно обозначенных как: 1) «Высокоавтономные» (9.8%); 2) «Автономные» (34.2%); 3) «Умеренно автономные» (33.0%); 4) «Ведомые» (18.1%); 5) «Зависимые» (4.9%). Между всеми этими группами обнаружены значимые различия по критерию Манна—Уитни U ($p < 0.01$).

Рассмотрим групповые особенности отношений подростков с родителями и со сверстниками.

Группу 1 («Высокоавтономные») характеризуют низкие показатели родительского контроля, строгости, директивности. Родители этих подростков: не склонны чрезмерно опекать своих детей (не требуют беспрекословного послушания и считают подростка вполне самостоятельным человеком); более дифференцированно подходят к их проступкам, реже ругают и наказывают (по сравнению с системой отношений подростков с более низким уровнем развития автономии); предоставляют им столько свободы, сколько требуется; позволяют выбирать себе дело по душе, планировать досуг; поручают сложные и важные дела; поддерживают и проявляют участие (пытаются развеселить или успокоить их, когда те грустят); практикуют совместную деятельность; с пониманием выслушивают, открыто проявляют свою любовь; способны признать свою неправоту и извиниться перед подростком, при принятии семейных решений учитывают его мнение (здесь и далее приведены значимые различия по критерию Манна—Уитни U; $p < 0.01$).

Отношения со сверстниками складываются у «высокоавтономных» наиболее благоприятно среди всей выборки подростков: они чувствуют значимо меньше тревоги в общении, больше уверенности в межличностном взаимодействии, указывают на сравнительно большое количество друзей, а также демонстрируют существенно более высокую самооценку себя как друга. Высокий уровень автономии подростков обуславливает выраженность эмоциональной поддержки и взаимопомощи в дружбе: подростки охотно поддерживают друзей словом и делом, а также уверенно рассчитывают на такую поддержку со стороны друзей. Подростки с наиболее высоким уровнем автономии также легко завязывают новые контакты, готовы проявлять инициативу при знакомстве.

Группа 2 («Автономные») демонстрирует относительно высокие результаты по всем компонентам автономии. В рамках ДРО данная группа имеет относительно малый контроль со стороны родителей и воспринимает отношения с ними как благополучные. Эти подростки, как и «высокоавтономные», указывают на высокую степень автономности в отношениях, низкий уровень требовательности, строгости родителей, отцовского контроля. Значимо выше по сравнению с группой «высокоавтономных» у этих подростков лишь показатели контроля и авторитетности матери, по сравнению с другими группами они все же

являются относительно низкими. Данная группа показывает наиболее высокие результаты по шкале «согласие в основных жизненных вопросах с родителями»: подростки легко достигают взаимного согласия с родителями, их родители также склонны соглашаться с мнением подростков. Группы «Автономные» и «Высокоавтономные» сходны по своим проявлениям и в общении со сверстниками, однако «автономным» сложнее, чем «высокоавтономным», дается установление контакта со сверстниками; кроме того, они чувствуют больше тревоги, связанной с межличностным взаимодействием.

В целом группа «Автономные» в отношениях со сверстниками проявляет достаточно низкую тревожность, указывает на высокую степень эмоциональной поддержки и взаимопомощи в дружбе. Подростки этой группы чувствуют себя защищенными в дружеских отношениях — уверены, что их поддержат и придут на помощь, и сами готовы выручить друга в тяжелой ситуации.

Группа 3 («Умеренно автономные») показывает средние результаты по показателям ЛА. Подростки данной группы отзываются о своих родителях как о заинтересованных и эмоционально близких, склонны считать мать авторитетом и примером для подражания, удовлетворены отношениями с ней. В целом можно сказать, что в группу 3 попали подростки с наиболее эмоционально близкими отношениями с родителями, с ярко выраженным авторитетом матери и удовлетворенностью отношениями с ней и при этом с довольно жестким контролем со стороны родителей.

В отношениях со сверстниками данная группа более ориентирована на самопознание, менее тревожна и с большей легкостью устанавливает контакт, нежели группы с менее выраженной ЛА, но «проигрывает» по этим параметрам группам с более выраженной автономией.

Группа 4 («Ведомые») характеризуется низкими показателями личностной автономии. В этой группе родительский контроль выше, а автономность, предоставляемая в ДРО, — ниже, чем в группах 1 и 2. Подростки признают авторитет своей матери, хотя и подражают ей и считают ее мнение наиболее весомым. Вместе с тем, для этой группы характерны наиболее высокие показатели по шкале «непоследовательность» воспитательных установок родителей. Родители не предоставляют подросткам достаточной самостоятельности и не применяют стратегию сотрудничества. При этом мать остается примером и эталоном во многих делах и отношения с ней вполне удовлетворяют подростков.

Отношения со сверстниками группы «Ведомых» практически не отличаются от отношений подростков, отнесенных нами к группе «Зависимые» (статистически значимых различий по показателям отношений со сверстниками у групп 4 и 5 не обнаружено).

Подростки **группы 5 («Зависимые»)** имеют самые низкие результаты по всем компонентам автономии. Их ДРО характеризуются наибольшим

контролем и строгостью со стороны родителей. Отношение родителей воспринимается как враждебное, где отсутствуют эмоциональная близость, сотрудничество и согласие. Не удивительно, что в таких отношениях подросток не склонен признавать авторитет матери. В целом сочетание строгости, контроля, враждебности, эмоциональной дистанции предполагает картину неблагополучных ДРО, в рамках которых подросток воспринимает родителей как враждебно настроенных, испытывает отвержение и эмоциональную дистанцию. Логично, что такие отношения не подразумевают равноправного сотрудничества.

В отношениях со сверстниками группы «Ведомые» и «Зависимые» проявляют высокую тревожность, пренебрежение взаимопомощью в дружбе, сложность в установлении контакта, низкий уровень эмоциональной поддержки. У них сравнительно малое количество друзей. Это группы с наиболее неблагоприятными характеристиками отношений со сверстниками. Кроме того, «Ведомые» наиболее низко оценивают себя как друзей: считают, что они не умеют дружить, окружающие не считают их хорошими друзьями.

В целом результаты кластерного анализа показывают, что подростки, высоко оценивающие уровень своей самостоятельности, испытывают меньшую степень родительского контроля, директивности, требовательности. Чем более выражена регулятивная функция родителя, тем менее автономен подросток.

С возрастанием уровня ЛА растет уровень сотрудничества в ДРО. Более автономные подростки, таким образом, чувствуют не попустительство со стороны родителей (как могло показаться ввиду малого количества запретов и относительного отсутствия контроля действий), а поддержку и участие родителей в собственной жизни: респонденты указывают, что родители проявляют себя чуткими в отношениях, предпочитают совместные семейные развлечения, открыто выражают свою любовь, при принятии семейных решений учитывают мнение подростка. Психоаналитическое предположение о том, что с высоким уровнем развития ЛА соседствует эмоциональная дистанция в ДРО (вплоть до полного охлаждения отношений), оказалось несостоятельным: подростки, указывающие на эмоциональную дистанцию с родителями, проявляют себя как наименее автономные из исследуемой выборки.

Заключение

Анализ результатов исследования позволяет заключить, что основной трансформации ДРО является изменение характера общения и взаимодействия: с возрастанием ЛА отношения перестраиваются от управляемых родителем к взаимонаправленным, где планирование, регуляция, контроль разделены между подростком и родителем.

Интересным представляется выявленный в работе факт нелинейности связи ДРО и развития ЛА подростка. В то время как эмоциональная

близость и принятие, удовлетворенность отношениями и авторитетность, позитивный интерес со стороны родителей максимально выражены у подростков со средним уровнем ЛА, у подростков с ярко и слабо выраженной автономией эти показатели значительно ниже (значимые различия по критерию Манна—Уитни U ; $p < 0.01$).

Вопреки широко распространенному мнению о нарастающей у современных подростков конфликтности в ДРО, об их стремлении отстраниться от семьи, нежелании включаться в семейные дела и поддерживать эмоциональные контакты, результаты нашего исследования вселяют определенный оптимизм. Подростки склонны скорее к сотрудничеству, чем к противостоянию с родителями, большинство испытывают чувство тесной эмоциональной связи с ними. Это тем более отраднo на фоне нарастающих прогнозов распада семьи как социального института, мнений о несовпадении взглядов на жизнь современных подростков и их родителей и отсутствии преемственности поколений. Напротив, наши результаты свидетельствуют о достаточно позитивном образе родителей у большинства обследованных подростков.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о продуктивности возрастнo-психологического подхода в описании автономии как личностного конструкта, неразрывно связанного с системой социальных отношений: существенную роль в становлении ЛА подростка играют ДРО. В рамках отношений сотрудничества с родителями подросток получает возможность опробовать различные стратегии обретения независимости и самостоятельности, что, в свою очередь, способствует развитию его личностной автономии как показателя зрелости. Выявлена различная степень сенситивности развития ЛА и ее структурных компонентов к характеристикам ДРО. Устойчивую «универсальную» значимость для развития всех компонентов автономии имеют родительский контроль, степень свободы, предоставляемая в ДРО, и сотрудничество. При возрастании автономии подростков ДРО трансформируются из однонаправленных, где инициатива и право принятия решений принадлежат взрослому, во взаимонаправленные, характеризующиеся равноправным сотрудничеством и кооперацией. При этом значимость ДРО сохраняется, свобода подростку нужна именно в отношениях с родителями, но никак не от самих этих отношений.

В отношениях со сверстниками существенную роль в становлении ЛА подростков играют как объективные характеристики отношений (наличие или отсутствие взаимопомощи и эмоциональной поддержки в дружбе), так и ориентирующий образ этих отношений (легкость установления контакта, самооценка себя как друга, тревожность), выполняющий функцию регуляции совместной деятельности и кооперации.

Контексты отношений подростка с родителями и сверстниками, составляя единство социальной ситуации развития, играют разную роль в становлении ЛА. В отношениях с родителями происходит осо-

знание потребности в автономии и ее мотивационное опредмечивание. Рефлексия подростком позиции в ДРО, осознание неравнозначности в сфере самостоятельных решений и выборов составляют основу формирования мотива самостоятельности и стремления к ЛА. В отношениях со сверстниками происходит субъективация потребности в ЛА, апробация и ролевое экспериментирование в проявлении самостоятельности ценностных выборов и принятия решений и их реализация в поведении и деятельности. Отношения со сверстниками позволяют подростку пережить и воплотить свою самостоятельность в реальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батаршев А.В.* Диагностика способности к общению. СПб., 2006.
- Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // Возрастная и педагогическая психология: Тексты. М., 1992. С. 7—44.
- Бурменская Г.В.* Становление автономии ребенка как проблема исследования и консультирования // Психологические проблемы современной российской семьи: Мат-лы 2-й Всерос. науч. конф. (Москва, 25—27 октября 2005 г.). М., 2005. Ч. 1. С. 192—203.
- Вассерман Л.И., Горькая И.А., Ромицына Е.Е.* Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. М., 1995.
- Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Под ред. Д.Б. Эльконина, Т.В. Драгуновой. М., 1967.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2003.
- Карбанова О.А.* Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2002.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев Д.А.* Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества / Под ред. Е.И. Яцута. Кемерово, 2002. С. 3—34.
- Макушина О.П.* Причины психологической зависимости от родителей в подростковом возрасте // Вопр. психологии. 2002. № 5. С. 135—143.
- Марковская И.М.* Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 2. С. 42—49.
- Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М., 2000.
- Поскребышева Н.Н.* Социальная ситуация развития как условие становления личностной автономии подростка: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Прихожан А.М.* Проблема подросткового кризиса // Психологическая наука и образование. 1997. № 1. С. 82—87.
- Путырева Е.В.* Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М., 1989.
- Beyers W., Goossens L.* Psychological separation and adjustment to university: Moderating effects of gender, age, and perceived parenting style // J. of Adolescent Res. 2003. Vol. 18. N 4. P. 363—382.
- Climo J.* Distant parents. Rutgers Univ. Press, 1992.
- Collins W.A., Laursen B.* Parent-adolescent relationships and influences // Handbook of adolescent psychology. 2nd ed. / Ed. by R.M. Lerner, L. Steinberg. N.Y., 2004. P. 331—362.

Garber J., Little St.A. Emotional autonomy and adolescent adjustment // *J. of Adolescent Res.* 2001. Vol. 16. N 4. P. 355—371.

McElhaney K.B., Allen J.P., Stephenson J.C., Hare A.L. Attachment and autonomy during adolescence // *Handbook of adolescent psychology*. Vol. 1 / Ed. by R.M. Lerner, L. Steinberg. 3rd ed. N.J., 2009. P. 358—403.

Steinberg L. Autonomy, conflict and harmony in the family relationship // *At the threshold: The developing adolescent* / Ed. by S.Sh. Feldman, Gl.R. Elliott. Harvard Univ. Press, 1990. P. 255—276.

Steinberg L., Silverberg S.B. The vicissitudes of autonomy in early adolescence // *Child Development*. 1986. Vol. 57. P. 841—851.

Youniss J., Smollar J. Adolescent relations with mothers, fathers, and friends. Univ. of Chicago Press, 1987.

Zimmer-Gembeck M.J., Collins W.A. Autonomy development during adolescence // *Blackwell handbook of adolescence* / Ed. by G.R. Adams, M.D. Berzonsky. Oxford, UK, 2003. P. 175—204.